УДК 811.161.1'373
DOI: 10.17223/19986645/74/3

А.В. Зеленин, Д.В. Руднев

«ЧТО ЗНАЧИТ ЭТОТ *ФОН*»: ИСТОРИЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОЙ ФОРМЫ *НА ФОНЕ*

Представлена история возникновения в русском языке и этапы грамматикализации предложно-падежной группы «на фоне». Анализируются языковые механизмы развития на основе ее исходного выделительного значения сравнительно-сопоставительного и впоследствии значения обусловленности. Устанавливается связь семантико-грамматических сдвигов с влиянием французской модели «sur un fond», с трансформацией тема-рематической структуры русского предложения, а также со стилистическими изменениями в русском языке.

Ключевые слова: *служебные слова, предложно-падежная форма, опредложивание, грамматикализация, производный предлог*

Введение

В 1850 г. критик «Северной пчелы», скрывавшийся за инициалами Ф. Б., разбирая язык «Отечественных записок», писал: «Жаль, что почтенный и ученый автор изучал язык русский по новой грамоте, которой представитель журнал так называемые “Отечественные записки”! Неужели почтенный автор не нашел в русском языке слов для выражения своих мыслей? Читаем: ”От этого изображения, служащего *фоном* в его картине?” Что значит этот *фон*?» [1. С. 971] (см. также [2. С. 128]).

Однако русский язык не только не отверг этого слова, быстро распространившегося во второй половине XIX в., но и оказался благоприятной средой для его дальнейшего семантического и грамматического развития, итогом чего явилось формирование предложного выражения (предложной единицы, функционального аналога предлога) *на фоне*.

Хотя предложное выражение *на фоне* встречалось уже в конце XIX – начале XX в., широкое распространение оно получило именно в современном русском языке, особенно в языке СМИ.

Среди исследователей нет единства мнений относительно лингвистического статуса предложного выражения *на фоне*: одни видят в этой словоформе грамматикализованную конструкцию, другие отказывают ей в этом статусе (см., например, работу [3]). Не упомянуто это сочетание и в обширной статье Е.Н. Виноградовой и Л.П. Клобуковой [4]; предложно-падежная группа не выделена как фразеологизированная конструкция, а инкорпорирована внутрь значения ‘обстановка, среда, окружение, в котором что-л. находится или что-л. происходит’ в современном толковом словаре [5. С. 1428].

Цель статьи – описать историю грамматикализации словоформы *на фоне*, проследив этапы ее включения в функционально-семантическое макрополе обусловленности.

Задачи статьи: 1) провести историко-семантический анализ существительного *фон* в русском языке; 2) вскрыть механизмы развития в предложно-падежной форме *на фоне* релятивного значения, категориального для семантики предлогов; 3) выявить динамику и хронологию развития грамматического значения и включения препозициональной группы в поле обусловленности.

1. История изучения предложно-падежной группы *на фоне*

Актуализация предложно-падежной группы *на фоне* в публицистическом и научном стилях русского языка в 1980–1990-е гг. и ее функционирование как эквивалента предлога привлекли внимание исследователей на рубеже XX–XXI вв. В научно-теоретической литературе одно из первых упоминаний этого комплекса находится в книге В.В. Бабайцевой, которая включила словоформу *на фоне* в продуктивный класс переходных явлений в лексической группе «явлений природы»: «...обстоятельства обстановки, обозначающие состояние погоды, природы, атмосферы и т. д. <...> грамматикализуются для выражения семантики ситуации» [6. С. 430–431].

При описании предложного употребления *на фоне* словарями обычно отмечается сравнительное и сопутствующее значение, например: «на фоне *кого-чего, в знач. предлога с род. п.* – в окружении кого-чего-н., при сопутствующих обстоятельствах. *Отдельные недостатки на фоне общих успехов*» [7. С. 855]. Предложно-падежная группа *на фоне* была зафиксирована в аспектном справочнике Т.Ф. Ефремовой в качестве предлога: «предлог с род. пад. 1. Соответствует по значению сл<овосочетанию>: в окружении кого-л. или чего-л. 2. *перен.* Соответствует по значению сл<овосочетанию>: при сравнении с кем-л. или с чем-л.» [8. С. 322]. Похожим образом *на фоне* квалифицировано в словаре наречий и служебных слов русского языка В.В. Бурцевой: «*На фоне* кого-чего, предлог с род. п. В окружении кого-чего-н., при сравнении с кем-чем-н. *На фоне своих подруг она отличается необычной красотой. Эти мелочи теряются на фоне твоих успехов*» [9. С. 310]. Однако более детальное обследование современных текстов показало, что использование словосочетания *на фоне* чаще обслуживает отношения логической обусловленности.

В петербургской школе функциональной грамматики отношения обусловленности рассматриваются как функционально-семантическое поле полицентрического типа, включающее отношения причины, условия, цели, уступки, следствия, мотивации, причем отношения причины занимают особое место [10. С. 67–70]. Обусловленность характеризуется обязательной биситуативностью (т.е. включают две ситуации, находящиеся в отношениях логико-смысловой зависимости, семантически такие предложения эквивалентны сложным предложениям). Специализированными способами выражения отношений обусловленности выступают: 1) придаточные предложения; 2) предложно-падежные формы; 3) наречия. К ним примыкает прямое лексическое выражение обусловленности при помощи лексем типа

причина, цель, условие и т.д. [10. С. 28–36]. Неспециализированные средства – бессоюзные сложные предложения, сложносочиненные предложения, осложняющие элементы простого предложения (причастные и деепричастные обороты, обособленные члены) и нек. др.

Жэньчжэ Ли, детально описав предложно-падежную форму *на фоне* на синхронном материале преимущественно в сопоставительных конструкциях, отметил активное развитие у этой словоформы значения обусловленности [11; 12. С. 69–82]. Было выявлено два типа отношений обусловленности: 1) ситуация, вводимая сочетанием *на фоне*, указывает на причину возникновения второй ситуации (*Смена руководства почтового ведомства произошла* ***на фоне*** *скандала с большим количеством зарубежных посылок, скопившихся в московских аэропортах*); 2) «сопутствующая усугубляющая ситуация, оказывающая определенное воздействие на вторую ситуацию, возникшую позже» (*Разрыв ахиллова сухожилия у футболиста произошел* ***на фоне*** *хронического заболевания, которое требовало хирургического лечения*) [12. С. 80] (примеры взяты из указанной работы. – *А.З., Д.Р.*).

2. Формирование синонимического ряда

Внешний облик сочетания слова *фон* однозначно указывает на его французское происхождение: его источником является многозначное французское слово *fond* (к этому же слову восходят также слова *фонд* и *плафон*). В словаре у него выделено три значения: 1) ‘основной цвет, тон, по которому сделан рисунок, узор и т.п.’; 2) ‘задний план картины, рисунка и т.п., способствующий выделению основных частей изображения’; 3) перен. ‘общая обстановка, среда, окружение’ [13. Т. 16. Стб. 1466–1467].

Появившись в русском языке, слово вступило в синонимические и семантические отношения с другими лексемами, ранее использовавшимися в русском языке в значении ‘основной цвет, тон, по которому сделан рисунок, узор и т.п.’, – словами *земля, грунт, поле* – кальками в некоторых специфических значениях (*земля, поле*) и прямыми лексическими заимствованиями (*грунт, фон*).

2.1. *земля*

Употребление слова *земля* в колоративном значении известно с начала XVII в.: *...кушак, на серебреной* ***земле*** *травы, шолк ал, лазорев, зелен, чор, цена восемь рублев...* (Дворцовые разряды, февраль 1614 г. [14. Стб. 17]); *8 знаменъ сотенныхъ: ...на первомъ знамени* ***земля*** *черчетая, кругомъ* ***земли*** *поля желтые, на* ***земли*** *кругъ желтой, въ кругу левъ желтой* (ДАИ X. 107. 1682 г.) [15. Т. 5. С. 377].

Поздняя фиксация лексемы *земля* и узкое, специализированное употребление (геральдика, гербовники, описание фактуры ткани) – явное свидетельство заимствования. Источником является польск. *grunt*[1] (в свою очередь, из

[1] В русском языке использовалась и другая калька польского *grunt* ‘почва’ [16. С. 290], однако мы ее не рассматриваем как выходящую за рамки анализа изучаемой группы лексем.

нем. *Grund*); в польском языке (как и в немецком) это слово было многозначным, его синонимы (в разных контекстах) – *ziemia* 'земля', *teren* 'участок, область', *kraina* 'земля, почва', *podłoże* 'подкладка, подложка, земля, почва, грунт', *dno* 'дно, земля, грунт', *ląd* 'суша, территория; материк', однако в сфере геральдики, живописи, рисунка для передачи значения 'основа, основной цвет, подложка (герба, щита)' обычно употреблялись словосочетания *grunt, dno, tło tarczy, herbu* [17. Т. 2. С. 1107] (польск. *tło* 'фон, земля; подоплека', *tarcza* 'щит', *herb* 'герб'). Таким образом, лексема *земля*, появившаяся в русском языке в начале XVII в. в жанрово и тематически ограниченных текстах, явная лексико-семантическая калька.

В языке XVIII в. она продолжала употребляться как в текстах по геральдике (их появилось чрезвычайно много в связи с геральдическим «бумом» в социальной жизни формирующейся европеизированной русской аристократии), так и в других калькированных значениях в некоторых названиях краски: *кельнская земля, галмейская земля*, для обозначения доминирующего фона тканей: *штоф по красной **земле** с золотыми травами; белой цвет <...> обыкновенно за **землю** для других цветов служит; бархаты пестрые – цветов ярких по **земле** лиловой, темнозеленой, пунцовой, или амарантовой* [18. Т. 8. С. 171].

С появлением в русском языке галлицизма *фон* лексема *земля,* как более узуальная, еще некоторое время составляла конкуренцию новому заимствованию; в следующем примере характерно использование приема лексической синонимизации семантически равных лексем: *Определение цвета, разумеется, относилось к **земле** (или **фону**), по которому могли быть и всегда бывали украшения из поливы других цветов* [19. С. 41]. В современных толковых словарях употребление слова *земля* в этом значении не фиксируется.

2.2. *поле*

Лексема *поле* представляет собой лексико-семантическую кальку с польск. *pole*, проникшую в русский язык в конце XVI – начале XVII в. в качестве одного из новых значений. Это значение 'узкая полоса на краю листа, полотнища, иконы и т. п., не занятая текстом или основным изображением' использовалось в посольских донесениях, в приходно-расходных книгах монастырей по описи церковной утвари, в описании геральдических предметов: *в той же грамоте... **на поле** приписано о Шевкале князе* (Посольство Жир.-Засекина. 2. 1599 г.); *около образа обложено жемчюгомъ... в откосинахъ **на полях** 74 камени розных... а **по полямъ** на углахъ 4 евангелисты, а на исподнемъ **поле** Дмитрей Селунский* (Кн. пер. Ипат. м. 1. 1595 г.) [15. Т. 16. С. 206].

В польском языке синонимизация лексем *pole, grunt, dno, tło* была тематически обусловленной и семантически привязанной к геральдическим, церковно-религиозным, живописным изображениям: *pole* – «5) = *herbowe:* grunt, dno, tło: *W herbach Polskich **pól** czerwonych najwięcej* 'в польских гер-

бах красных полей больше всего' [17. Т. 2. С. 1107], ср. также польск. *dno, tło obraza, malarstwa, chorągwi* 'фон картины, хоругви'.

Это использование кальки *поле* в русском языке проходит через XVIII, XIX и XX вв., что находит отражение в толковых словарях: *поле* – 'грунт или полое место, на котором изображается фигура или что иное' [20. Т. 3. С. 312]. Ср. также толкование данного значения слова *поле* в словаре Ушакова: «перен. Основной цвет, фон, пространство, на к<ото>ром нанесены узоры, рисунки или геральдические изображения [21. Т. 3. С. 513]. Определение значения в БАС дано менее детализированно, менее содержательно-конкретно: 'основа, на которой нанесен узор, изображение, надпись и т. п.; фон': *Его броня чернее ночи, тяжко вооружение и меч огромен. Голова мавра видна в золотом* ***поле*** *щита* (Марлинский. Роман и Ольга. 3); *В зале потолок изображал все небо: по синему* ***полю*** *были насажены звезды из сусального золота* (Мам.-Сиб. Три конца. IV. 1) [13. Т. 10. Стб. 956].

Примечательно, что составители словаря Ушакова квалифицировали это значение как переносное, составители БАС – как прямое. Это имеет непосредственное отношение к рассматриваемой теме обособления предложно-падежных конструкций в морфолого-синтаксической парадигме слова: квалификация смыслового сдвига в значении – свидетельство ослабления семантических связей лексико-семантического варианта относительно центральной номинативной семы и возможность будущих более глубоких трансформаций. Преимущественная предложно-падежная сочетаемость – *по полю, на поле* чего-л.

В отличие от слов *земля* и *грунт*, которые вышли из употребления уже в XIX в., слово *поле* использовалось для описания фона и в XX в.: *Штаны на докторе – не штаны, а фантастика: по желтому* ***полю*** *цветочки в клетках* (И.С. Шмелев. Солнце мертвых. 1923 [22][1]); *Лиза лежала на кровати, опираясь на локти, в домашнем платье с голубыми полосками по синему* ***полю*** (К. Федин. Первые радости. 1943–1945); *Что и говорить, гриб красив. Ярко-красный, с белыми крапинками по красному* ***полю****, он украшает черный колорит елового леса, внося прекрасное и нужное глазу разнообразие* (Владимир Солоухин. Третья охота. 1967).

Для современного узуса употребление слова *поле* в значении 'фон' в целом не характерно и, видимо, должно характеризоваться как устаревающее или устаревшее.

2.3. *грунт*

В XVIII в. в дополнение к калькированным специальным значениям в структуре слов *земля, поле* появляется заимствованное через посредство

[1] Основная часть цитат взята из Национального корпуса русского языка [22], поэтому далее ссылка на источник цитаты дается только в том случае, если цитата взята из иного источника. Отсутствие указания означает, что источником является Национальный корпус русского языка.

польского языка немецкое слово *грунт* (*Grund*): *Устьюжская финифть бывает разных цвѣтов... **грунт** по большой части украшают серебряными цвѣточками* (Пут. Леп. III 299) [18. Т. 5. С. 252]. Слово было профессионально-ограниченным, в «Словаре Академии Российской» лексема *грунт* в значении 'фон' не отмечена, однако она зафиксирована в некоторых двуязычных словарях второй половины XVIII в.; например, в словаре Нордстета дано терминологическое двусловное сочетание: «*грунт картины*. der Grund im Gemählde, le champ de tableau» [23. С. 147]. В другом двуязычном словаре для передачи франц. *fond* использованы как синонимы неологизм *грунт* и уже усвоенное новое значение слова *поле* (более ранняя лексико-семантическая калька из польского): «Le fond du tableau est trop clair. Грунт, поле картины слишком светло» [24. С. 510].

Слово *грунт* в языковом сознании XVIII в. выступало в терминологическом значении: оно обозначало фрагмент техники живописи или ремесла, связанного со спецификой окрашивания поверхности (зодчество, церковная роспись и т. п.), но значение у него было преимущественно профессионально ограниченным 'слой краски; поле', 'земельный природный состав красного цвета для грунтования': *Белая и красная глина похожая на мергель, здесь просто белоглинкою называемая, а красная **грунтом** и употребляется белая на беление печей вместо извести, а красная на краску* (Труды Вольного экономического общества. 1765. II: 131) [18. Т. 5. С. 252]. Различие между значениями невелико и обусловлено метонимическими сдвигами, характерными для профессиональной лексики: от общего значения (краска) – к частному (красная краска).

Профессиональная квалификация термина фиксируется в словаре Яновского (1803): *грунт* – «3) у живописцев так называется первая краска, которая на какую-либо плоскость наводится; *поле картины*» [25. С. 647] (курсив наш. – *А.З., Д.Р.*). Однако глагол-заимствование *грунтовать* (ср. польск. *gruntować* из нем. *grundieren*) в значении 'класть грунт, первый слой краски' был известен в русском языке раньше, уже в XVII в., в кругу профессиональной лексики: *Въ ту же церковь Сошествия св. духа кормовые золотари **грунтовали**... иконостасъ столярской* (Заб. Дом. быт. I. 614. 1685 г.) [15. Т. 4. С. 147].

Употребление слова *грунт* для обозначения доминирующего, лежащего в основе фона изображения широко использовалось в первой половине XIX в.: *Кругом, над каждою колонною, статуя музы или нимфы, руки искуснаго скульптора Германа, не резко, но прекрасно отделяющиеся **на светлом грунте** стен* [26. С. 81]; *Вдали показался какой-то странный ком, как черное пятно **на коричневом грунте**. Иван Васильевич встрепенулся. – Василий Иванович, Василий Иванович!* (В.А. Соллогуб. Тарантас. 1845); *В белом платье, тонко перехваченном в талии, с наклоненной головой и длинным локоном на плече, она отчетливо обрисовывалась **на темном грунте** растворенного окна* (П.М. Пари // Современник. 1850).

В середине XIX в. слово *грунт* для обозначения фона (но уже не названия красной краски) вошло в толковые словари, причем обратим внимание на тол-

кование его родовым термином (гиперонимом) *поле*: «В рисунках, эстампах и вышиваниях поле, заштрихованное или зашитое около изображения, чтоб выказать яснее самое изображение» [20. Т. 1. С. 297–298]. В этой дефиниции ясно показаны семантически релевантные признаки понятия: 'составляющий основу всего полотна, поверхности' (*поле*), 'живописное (тканевое) произведение' (*рисунок, эстамп, вышивка*), 'что-л. выделенное иным цветом' (*заштрихованное, зашитое*), 'целевое назначение' (*выказать яснее самое изображение*, т. е. выделить центральную часть изображения).

Сильное влияние в России немецкой литературы, философии, литературной критики в первой трети XIX в. способствовало вторичному заимствованию слова *грунт*, на этот раз в переносном значении из немецкого *Grund, Hintergrund* 'ведущий фон повествования, подоплека, основа' в новом для русского языка значении, отсылающем не к живописному, а к литературному (повествовательному) тексту: *В них [«Письмах из Болгарии»], посреди яркой живописи незнакомых нам людей и природы, сквозь прозрачную ткань легких замечаний, ученых изследований, резких выводов и личных отступлений, мелькает великое событие войны, развиваются древния воспоминания и при блеске оных – дела и мнения современныя рисуются вдали, на фантастическом* ***грунте*** *разсказа* (Предисловие к «Письмам из Болгарии» В.Г. Теплякова. 1833); *Впрочем, само собою разумеется, что история древней образованности России является не на первом плане его изложения: она, по его же выражению, только необходимый* ***грунт*** *его картины* (И.В. Киреевский. Публичные лекции профессора Шевырева об истории русской словесности, преимущественно древней. Письмо в Белев. 1845).

Словосочетания *грунт рассказа, грунт картины* (*повествования*) – кальки нем. *der Grund der Anstellung, Beschreibund.*

Употребление «художественного» значения слова *грунт* во второй половине XIX в. встречается реже, причем преимущественно в нарративных описаниях памятников архитектуры (дневники путешествий, путевые заметки) и является скорее всего семантической калькой нем. *Hintergrund* 'задний план; задник'[1]: *...все лица картины – волхвы, их прислуга, святой Иосиф оставались в тени и терялись в прозрачном полумраке* ***грунта****, между тем как Богоматерь и Святой младенец выдавались и выступали вперед, облитые светом и блеском* (Е.П. Ростопчина. Палаццо Форли. 1854); *То из-за угла какого-нибудь пиластра виднелась колоссальная дуга главного прохода, черная и как бы отрезанная на ярком* ***грунте*** *пустого пространства, образуемого куполом; то выдвигался какой-либо памятник одной частью своей, словно оторвавшейся от общего целого; то открывался вкось балдахин Бернини в темном освещении, а за ним вдали угол папской кафедры, озаренной светлым лучом из окна* (П.В. Анненков. Литературные воспоминания. 1882).

Это значение осталось периферийным для русского языка.

---

[1] Ср. также употребление слова *грунт* в словаре Эртеля (1841) в узком театральном значении: *le fond de la scene* 'грунт, задняя часть сцены' [27. С. 431].

3. Расширение синонимического ряда: *фон*

3.1. Начальный этап

Хотя в переводных двуязычных словарях XVIII в. уже упоминалось франц. *fond*, оно переводилось на русский язык полонизмом (этимологически – германизмом) *грунт*. Французская лексема оказалась заимствованной в русский язык дважды: впервые как варваризм (английская реалия) в начале XVIII в. в экономическом значении в письме князя Б.И. Курагина: *А о нахождении* ***фонда****, с чего стерлингов аглинских сыскать, еще есть не малая трудность* (письмо Б.И. Куракина А.А. Матвееву. 01.12.1710 [24. Т. 4. С. 243]), восходящий к галлицизму *fond* в английском языке. Вторичное заимствование франц. *fond* произошло в первые десятилетия XIX в.[1]: *Его* [хозяина] *седая голова на* ***фоне*** *богатых занавесей с розовыми фигурами – вся эта блистательная пышность и вид старости, которая уже, очевидно, у порога могилы, внезапно омрачили для меня всю картину…* (Никитенко. Дневник. 1828).

В 1840-е гг. *фон* используется не только в путевых заметках (что часто бывает признаком лексического заимствования), но и в расширительном, образном значении: *Миросозерцание есть источник и основа литературы. Это* ***фон****, на котором рисуются ее картины, канва, по которой вышиваются её узоры* (В.Г. Белинский. Русская литература в 1840 году). Заимствование осуществлялось тремя графическими способами: иноязычным вкраплением (*fond*), транслитерацией (*фонд*), транскрипцией (*фон*), что вызывало разнобой довольно длительное время:

Fond всему – слабый характер (Герцен, Дневник 1843 г.); *Все эти разнообразные свойства и качества составляют либо* ***фонд*** *некоторых отдельных романов Сю, либо смешиваются между собой в одном и том же его произведении* (Денегри [Л. Мечников]. Евг. Сю) (обе цитаты по: [2. С. 128]).

Таким образом, в философско-литературном лексиконе 1840-х гг. появилось два термина для обозначения одного и того же понятия – калькированное семантическое значение в уже известном слове *грунт* (нем. *Grund*, *Hintergrund*) и заимствованный галлицизм *фон* (*fond*); ср. возможные прототипы – нем. *der Grund / der Hintergrund der Weltanschauung* ‘основа, фон, грунт мировоззрения’ и франц. *fond de littérature* ‘фон литературы’, *fond de narration* ‘фон повествования, рассказа’.

Появление галлицизма в русском языке в уже сложившейся семантической зоне, занятой лексемами *земля*, *поле*, *грунт*, вызвало неприятие и осуждение новой лексемы: *Недавно случилось мне прочесть где-то описание церковного облачения: «рытого малинового бархата по золотому фону с такими же воздухами». Помилуйте! Ризы употребляются у нас со введения христианства, около тысячи лет, описания их, самые подробные, встречаются во всех памятниках, с древнейших времен <…> в «Выходах царских» или в «Дворцовых*

[1] Ю.С. Сорокин несколько ошибочно относит появление слова *фон* в русском языке только к 1840-м гг. [2. С. 128].

разъездах» вы найдете эти описания на всякой странице, чистым русским языком, без иностранного слова! Если же так давно предки наши умели описать облачения, не прибегая ни к какому ***фону****, но нам-то как не стыдно не только не уметь выдумать русского названия, да и не знать старого, простого, ясного? Нам-то как стыдно терзать русское ухо каким-то* ***фоном****, которого никакой русский человек понять не может?* (М. П. Погодин. Смесь // Москвитянин. 1853. № 6. С. 65); *Недавно издатель «Москвитянина» заметил чудную фразу: «парча по золотому фону». По-русски говорилось: «по золотой земле». Но все забыто, и язык составляется вновь!* (N. N. // Москвитянин. 1853. № 11. С. 97) (все цит. по: [2. С. 128]).

Очевидно, что, во-первых, ссылки Погодина на «памятники древнейших времен» малоубедительны, поскольку указанные им тексты относятся к началу XVII в., когда и появились в русском языке кальки с польского *земля, поле*; во-вторых, аргументация к неуместности употребления заимствования *фон* касается только одного значения и тематики использования слов – сферы художественного украшения, раскраски ткани, живописного произведения; в-третьих, авторы цитат выступают против расширения новым заимствованием сложившегося синонимического ряда *земля, поле, грунт* с данным, художественно-ремесленным, значением и не учитывают дополнительные, абстрактные значения галлицизма *фон*[1].

Однако экспансию галлицизма *фон* в русском языке уже нельзя было остановить. На широкое употребление слова *фон* в 1850–1860-е гг. и его превращение в доминанту синонимического ряда указывают такие языковые примеры: *Земля, или* ***фон****, их покрыт синею муравою довольно густого цвета. По* ***фону*** *расположен узор в виде больших трав и цветов, покрытый поливою желтою, белою, коричневою и других цветов* [19. С. 42]. Отметим, что в данном случае старое слово *земля* толкуется через новое слово *фон*, которое далее употребляется в качестве основного (*по* ***фону*** *расположен*). Ср. аналогичный случай со словом *поле*: *Резьба была половинчатая на поле, или* ***фоне****, и сквозная, более или менее крупная и мелкая. Иногда фигуры, особо вырезанныя, набирались и наклеивались на* ***фоне*** [29. С. 55].

О вытеснении из употребления слова *грунт* можно судить по изменению толкования слова *фон* в словаре А.Д. Михельсона: «Фон, *фр. fond* от лат. fundus, основание почвы. Грунт, общий цвет в вышиванье, картине, ткани и т. п.» [30. С. 658]. Через 10 лет из толкования исчезает слово *грунт*; фон – «общий цвет в картине, ткани и т. п.» [31. С. 522]. Употребление галлицизма *фон* в 1840–1850-х гг. в колоративном значении явно доминировало: *...но посмотришь на этих голых, длинноволосых людей, выделяющихся на* ***фоне*** *светлой зелени бананов, темных листьев кокосовых пальм и стройных арековых, и тотчас же переносишься воображением в Южную Америку* (А.Д. Салтыков.

[1] Такие упреки продолжались вплоть до конца XIX в. В небольшой книге автора «Неправильности в современном разговорном, письменном и книжном языке» (СПб., 1890), подписавшегося Н. Г., в качестве неуместных в русском «неправильных галлицизмов» упомянуто (среди прочих) и слово *фон* [32. С. 21].

Письма из Индии. 1841); *Сестре ее прислали материйку: это такое очарованье, которого просто нельзя выразить словами; вообразите себе: полосочки узенькие-узенькие, какие только может представить воображение человеческое,* ***фон*** *голубой и через полоску все глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки...* (Н.В. Гоголь. Мертвые души. 1842); *Внутри одной из галерей, сзади портика, на потолке, есть картина, в которой на позолоченном* ***фоне*** *представлена битва четырех мавританских рыцарей с четырьмя кастильскими* (В.П. Боткин. Письма об Испании. 1847).

Предложно-падежная форма *на фоне*, употребляясь в колоративном значении, часто отражала калькированные французские глагольно-именные обороты: *выделяться на фоне* – se démarquer sur le fond, *казаться на фоне* – apparaître sur le fond, *оттеняться на фоне* – ombre sur le fond, *рисоваться на фоне* – dessiner sur le fond, *сверкать на фоне* – briller sur le fond и т.д.: *Яркая зелень банана резко* ***оттенялась на фоне*** *темно-зеленых фиговых и грушевых деревьев* (И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада». 1855); ***На фоне*** *занавески резко* ***обрисовывался*** *ее профиль* (А.О. Осипович (Новодворский). Тетушка. 1880).

Таким образом, непосредственным источником предложно-падежной группы *на фоне* в русском языке следует признать франц. *sur un/le fond* в первичном колоративном значении.

3.2. Развитие релятивного значения в предложно-падежной группе *на фоне*

Появление нового значения в словоформе *на фоне* было связано, во-первых, с расширением значения существительного *фон*; во-вторых, с вовлечением в сочетаемостный потенциал предложно-падежной группы новой, неколоративной лексики. Действительно, уже в представленных выше цитатах в семантике словосочетаний заключена сема сопоставления двух визуальных изображений, фигур, цветовых гамм. В расширительном употреблении (уже не с колоративами) эта сопоставительно-выделительная сема сохранялась и служила основой развития грамматического значения релятивности в предложно-падежной группе *на фоне*[1]. Ослабление связи с визуальным контекстом привело к постепенной трансформации выделительного значения в значение сравнения, противопоставления, контраста. Эти семантико-грамматические процессы стали активно протекать в русском языке начиная с 1860-х гг.: *Так некоторые впечатления почему-то делаются неизгладимыми и выделяются ярко* ***на фоне памяти*** (Н.И. Пирогов. Вопросы жизни. Дневник старого врача. 1879–1881); *Только два человека выделялись* ***на фоне*** *общей* ***почтительности,*** *размеренно мягких и*

[1] «[Л]юбая материя, и материя языка в том числе, никуда не исчезает и ниоткуда не появляется. Следовательно, и значение материи знаменательного слова в процессе его перехода в служебное тоже никуда не исчезает, оно лишь преобразуется в иное качество» [33. С. 65].

*медленных **движений** и сдержанного **выражения** лиц...* (А.И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги. 1889).

Развитие сравнительно-сопоставительного значения на месте выделительного – важное условие для появления у словоформы *на фоне* релятивного значения, которое втягивало ее в круг служебной лексики.

К концу XIX – началу XX в. оборот «*на фоне* + существительное в Р. п.» приобрел контрастивное значение (значение противопоставления), которое производно от его исходного, выделительного значения; ср.: *выделиться* – 'обособиться, отделиться от общего, целого' [34. Т. 1. С. 252], *противопоставить* – 'сравнить, сопоставить с кем-, чём-л., указав несходность, противоположность признаков одного и другого, дать рядом что-л. несходное, противоположное по каким-л. признакам' [34. Т. 3. С. 534]. Выделение изображения на общем фоне включает в себя операцию отграничения, которая имеет перцептивный характер; применительно к картинам указание на фон часто содержит рационально-оценочный компонент резкого отделения, противопоставления изображения и фона: *...и повсюду всеобщее недовольство, рост оппозиционной партии, открытые возмущения рабочего народа, готовые перейти в затяжную революцию во имя социализма и свободы, и – **на фоне** всего **этого** – террористические акты...* (Б.В. Савинков (В. Ропшин). Воспоминания террориста. 1909).

Контрастивное значение словоформы сохраняется и сегодня: *Бурный роман королевича с великой американкой **на фоне пуританизма** первых лет революции воспринимался в московском обществе как скандал, что усугубилось довольно значительной разницей лет между молодым королевичем и босоножкой бальзаковского возраста* (В.П. Катаев. Алмазный мой венец. 1975–1977); ***На фоне кризиса**, который настиг некоторых ее соседей, Магадан выглядит островком спокойствия и благопо*лучия (А. Градов. «Медведи» залили партийный фундамент. 2003).

Предложное сочетание *на фоне* передает в этих случаях значение 'в отличие от', 'в противоположность', а предложения, включающие эти сочетания, обслуживают эпистемический (*я думаю (считаю, полагаю и т.д.), что...*), а не перцептивный модус.

3.3. Включение в поле обусловленности

Значение противопоставления, возникающее в данных контекстах, выступает как частный случай более общего грамматического значения обусловленности одной ситуации другой. Уже с начала XX в. в предложно-падежной форме *на фоне* начинает развиваться причинно-следственное значение, хотя фиксируется это значение очень редко и не вполне отчетливо: ***На фоне** общей социальной суматохи, общего сдвига русской жизни эти личные разрывы со всем тем, с чем срослись и сжились дети, были для них мучительнейшей операцией, против которой протестовала и боролась вся душа* (В.В. Зеньковский. Детская душа в наши дни. 1925); *У Виктора Гюго – **на фоне** бредовых грез и мучительных раздумий приго-*

вореннного к смерти – сон ставится в непосредственное семантическое с ними соотношение, понимается как их субъективно-символическое разрешение (В.В. Виноградов. Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский. 1920–1929).

Сочетание «*на фоне* + существительное в Р. п.» вводит в предложение вторую пропозицию, которая вследствие формы выражения (предложно-падежная форма) занимает подчиненное положение, является вторичной. Подчиненность одной пропозиции другой начинает восприниматься как обусловленность одной ситуации другой. Между тем значение сопоставления и противопоставления выражается в составе однородного ряда, где все компоненты имеют одинаковое формальное выражение и равноправны.

Развитие подчиненности, обусловленности на основе исходного сравнительно-сопоставительного значения было вызвано не только различным формальным выражением двух пропозиций, но и исходным лексическим (колористическим) значением конструкции, в которой не просто происходит цветовое сопоставление задней части и главной фигуры (фигур) изображения, но и их неодинаковое акцентирование – описание задней части (фона) изображения, в отличие от главной фигуры, не находится в коммуникативном фокусе.

Наконец, две пропозиции в составе предложений с предложным выражением *на фоне* различаются не только способом оформления (одна из них выражена финитным глаголом, а другая – существительным в Р. п.) – они могут различаться и коммуникативным статусом: основной предикат относится к реме высказывания, тогда как отглагольное существительное – способ вторичной номинации ситуации, т.е. способ ее переноса в тему высказывания[1]. Следствием этого является частотное употребление сочетания «*на фоне* + существительное в Р. п.» в абсолютном начале предложения; например: ***На фоне** его [Льва Гумилева] последних интервью по телевидению и в журналах эти простые, человечные слова звучат для меня как просветление в затемненном сознании* (Эмма Герштейн. Лишняя любовь. 1985–2002); ***На фоне** фундаментальных перемен в международной среде, нарастания неуправляемости и самых разнообразных угроз нам необходим новый глобальный консенсус ответственных сил* (Владимир Путин. Оптимистичный пессимизм. 2014).

Коммуникативная функция, наряду с различным формальным выражением и остатками исходного лексического значения, также способствует созданию неравноправия между двумя пропозициями и развитию между ними отношений обусловленности на месте значения сопоставления и противопоставления.

Значение обусловленности, которое переводится предложным выражением *на фоне*, оказалось широко востребовано в публицистических текстах. Одной из возможных причин этого является отсутствие у этого предложного выражения стилистической окраски научного и делового

[1] Аналогичные наблюдения и выводы при анализе других предложно-падежных групп см. в работе [35].

стиля, с одной стороны, и диффузность, неопределенность значения обусловленности – с другой.

Можно констатировать, что в современном русском языке предложно-падежная форма *на фоне* имеет три значения, отражающих три разные хронологические стадии ее развития:

1) выделительное: *Ночная гроза* ***на фоне*** *звездного неба...* (Эксперт. 2014. № 11 (890));

2) сравнительно-противопоставительное (= *в отличие от, в противоречии с, не в пример*): *Рост стоимости бензина идет* ***на фоне*** *снижения котировок мирового рынка* (Известия. 2014.07.09);

3) причинно-следственное (= в связи с, вследствие): *Этот пакт был принят еще в конце 1990-х годов, но Еврокомиссия ужесточила контроль над его соблюдением в 2012 году* ***на фоне*** *европейского долгового кризиса* (РБК Дейли. 2014.07.01).

Выводы

1. Вхождение лексемы *фон* в состав русского языка произошло дважды: в начале XVIII в. как единичного варваризма, не имевшего продолжения и развития в языке, и в первой трети XIX в. К середине XIX в. происходит сложение синонимического ряда со значением обозначения общего цвета (картины, ткани, полотна) с участием ранних калек (XVII в.) из польского *поле, земля* и заимствованного в XVIII в. германизма *грунт*. К середине XIX в. слово *фон* становится доминантой синонимического ряда, постепенно оттесняя другие элементы.

2. Слово *фон* было заимствовано как в колоративном значении, семантически пересекаясь и накладываясь на семантику лексем *поле, земля, грунт*, так и в более абстрактном значении ‘общий план’. Калькирование глагольно-именных сочетаний из французского языка, включавших в свой состав предложно-падежную форму *на фоне* (первоначально в колоративном значении), к 1860-м гг. привело к расширению сочетаемости лексемы *фон* со словами-неколоративами. Внутриязыковой причиной послужило межстилевое перемещение выражения из профессионально-ограниченной сферы живописи, обозначения социально-статусной (геральдика), церковно-изобразительной терминологии в область развивающейся демократической публицистики 1860–1870-х гг. Этот семантико-стилистический процесс происходил как расширение семантической валентности словоформы *на фоне* для выражения более абстрактных логико-предметных отношений во внеязыковой действительности.

3. Развитие у предложно-падежной формы *на фоне* функциональных признаков предлога к концу XIX в. стало возможным благодаря ослаблению или даже утрате связи с визуальным (колоративным) контекстом и формированию контекстуального выделительного грамматического значения на основе исходного лексического. Сочетание *на фоне* + существительное в Р. п. стало обозначать ситуацию, в противопоставлении которой описывается действие, выраженное предикатом предложения; процесс грамматикализации выражения шел

рука об руку с изменением и углублением логико-семантической структуры пропозиции. Предложение приобрело полипропозитивный характер.

4. Значение контраста, противопоставления, передающееся предложным выражением *на фоне*, явилось результатом трансформации исходного выделительного значения. Причинно-следственное значение в аналоге предлога *на фоне* стало формироваться в начале XX в., но в первые десятилетия XXI в. обнаруживает очевидную усиливающуюся тенденцию к развитию более общего значения обусловленности. Таким образом, можно утверждать, что аналог предлога *на фоне* существует в русском языке в такой функции уже по крайней мере сто лет, однако эту квалификацию получил только на рубеже XXI в.

5. Развитие значения обусловленности характерно и для иноязычных аналогов предложно-падежной формы *на фоне*: *sur un fond* во французском языке, *en el ambiente* в испанском, *taustalla* в финском, *a háttérben* в венгерском, *mot bakgrund* в шведском, *vor dem Hintergrund* в немецком, *against the background* в английском. По-видимому, следует говорить о языковой грамматической модели, возникшей под воздействием некоторых доминирующих в электронно-медийной коммуникации языков при выражении грамматического значения обусловленности (the meaning of conditionality). Это явление фиксируется зарубежными исследователями в последние два десятилетия.

Литература

1. *Северная* пчела. 1850. № 243. 28 сент. С. 969–972.

2. *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского языка в 30–90-е годы XIX в. М. ; Л. : Наука, 1965. 565 с.

3. *Богданов С.И., Рыжова Ю.В.* Русская служебная лексика: Сводные таблицы. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1997. 168 с.

4. *Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П.* Предлог: большие проблемы маленькой части речи // Вестник РУДН. Сер.: Рус. и иностр. яз. и методика их преподавания. 2017. № 15 (3). С. 299–316.

5. *Большой* толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с.

6. *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М. : Дрофа, 2000. 638, [1] с.

7. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2006. 938, [3] с.

8. *Ефремова Е.Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка. 2-е изд., испр. М. : Астрель; АСТ, 2004. 814, [1] с.

9. *Бурцева В.В.* Словарь наречий и служебных слов русского языка. М. : Русский язык-Медиа, 2005. 750, [2] с.

10. *Евтюхин В.Б.* Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтакстических категорий. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1997. 197, [1] с.

11. *Ли Жэньчжэ.* Средства выражения сопоставительных отношений в простом предложении: отыменный релятив *на фоне* // Филологические науки. Вопросы теории и практики: научно-теоретический и прикладной журнал (Научный журнал). 2017. № 9 (75). С. 125–128.

12. *Ли Жэньчжэ.* Новообразования предложного типа в системе средств выражения сопоставительных отношений в современном русском языке : дис. … канд. филол. наук. Владивосток : ДВФУ, 2019. 132 с.

13. *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. / гл. ред. В.И. Чернышев. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949–1965.

14. *Дополнения* к Дворцовым разрядам, по поручению графа Дмитрия Николаевича Блудова собранныя из книг и столбцов преждебывших дворцовых приказов архива Оружейной палаты Иваном Забелиным. М., 1882. Ч. 1. XV с., 912 стб.

15. *Словарь* русского языка XI–XVII вв. / отв. ред. С.Г. Бархударов. Вып. 1–. М. : Наука: Азбуковник, 1975–.

16. *Словарь* обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков / под ред. О.С. Мжельской. Вып. 4. (Гагара – Гуща). СПб. : Наука, 2011. 310, [2] с.

17. *Słownik* języka polskiego. Wilno : wydany staraniem i kosztem Maurycego Orgelbranda, 1861. T. 1–2.

18. *Словарь* русского языка XVIII в. / гл. ред. Ю.С. Сорокин. Вып. 1–6. Л. : Наука, 1984–1991; Вып. 7–. СПб. : Наука, 1992–.

19. *Забелин И.Е.* Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России. СПб., 1853. [2], 101 с.

20. *Словарь* церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847. Т. 1–4.

21. *Толковый* словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушаков. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»: ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. Т. 1–4.

22. *Национальный* корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/new/index.html

23. *Российский* с немецким и французским переводами словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом. Ч. 1: А–Н. СПб., 1780. [4], 434 с.

24. *Полной* французской и российской лексикон, с последняго издания лексикона Французской академии на российской язык переведенный собранием ученых людей. Т. 1, ч. 1–2: От А до К. СПб., 1786. [8], 1–346, [2], 347–684 с.

25. *Яновский Н.М.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту… Ч. 1: От А до И. СПб., 1803. [8], IV с., 868 стб.

26. *Башуцкий А.П.* Возобновление Зимнего дворца в Санктпетербурге. СПб. : Гуттенберг. тип., 1839. 136 с.

27. *Эртель В.А.* Французско-русский словарь, извлеченный из новейших источников В. Эртелем. СПб., 1841. Т. 1. [1], VIII, 572 с.

28. *Архив* князя Ф.А. Куракина, издаваемый под ред. М. И. Семевского. Кн. 1–10. СПб., 1890–1902.

29. *Древности* Российскаго государства, изданныя по высочайшему повелению. Отд. 1: Св. иконы, кресты, утварь храмовая и облачение сана духовнаго. М., 1849. VIII, IV, XLIII, 174, [1] с.

30. *Михельсон А.Д.* Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М., 1865. [2], 718 с.

31. *Михельсон А.Д.* Объяснение всех иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. М., 1876. 560, [2] с.

32. *Н. Г.* Неправильности в современном разговорном, письменном и книжном языке. СПб., 1890. 23 с.

33. *Конюшкевич М.* О механизме опредложивания знаменательной лексики // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Вип. 13 / под ред. А. Загнітко. Донецьк, 2005. С. 65–70.

34. *Словарь* русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1985–1988.

35. *Конюшкевич М.* Функциональный потенциал полнозначных слов для образования предлогов // Функцыянальныя аспекты словаўтварэння. Даклады IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск, Беларусь, 9–14 кастрычніка 2006 г. Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. Мінск : Права і эканоміка, 2006. С. 115–121.

"What Does This *Fon* Mean?": The History of Grammaticalization of the Prepositional Case Form *Na Fone*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 43–60. DOI: 10.17223/19986645/74/3

Aleksandr V. Zelenin, Tampere University (Tampere, Finland). E-mail: aleksandr.zelenin@tuni.fi
Dmitriy V. Rudnev, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation); Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: rudnevd@mail.ru

Keywords: auxiliary words, prepositional case form, transition to preposition, grammaticalization, derivative preposition.

The aim of the article is to comprehensively study the mutual influence of semantic, lexical, grammatical (primarily syntactic) factors that explain the genesis of a new analogue of a preposition in Russian *na fone* 'against the background'. Various sources were used as material of research: fiction, dictionaries of Russian and foreign languages, modern mass media texts. Research methods are diachronic, component analysis, definitional, case study. When it appeared in Russian, the lexeme *fon* (from French *fond*) entered into a lexical-semantic interaction with other synonymous words of the coloristic meaning: *grunt* 'soil' (from German *Grund*), *zemlya* 'land' (calque from Polish *ziemia*), *pole* 'field' (calque from Polish *pole*). During the second half of the 19th century, the word *fon* displaced the words *grunt* and *pole* in the coloristic meaning, and pushed to the periphery the word *zemlya*, which left the language in the second half of the 20th century. The earliest cases of using the prepositional-case form of *na fone* 'against the background' were associated with the expression of coloristic (differentiating) meaning: the prepositional-case group calqued the verb-nominal constructions of the French language, including the combination *sur un fond (de)*. The expansion of the compatibility of the prepositional-case form *na fone* led to a gradual transformation of the differentiating meaning into the comparative one. The activation of the prepositional-case group *na fone* in the Russian language took place in the 1860s–1880s in the texts of the scientific and journalistic style. Comparative meaning became the basis on which since the beginning of the 20th century the meaning of conditionality began to form. In modern Russian, the meaning of conditionality is the leading one in the prepositional-case form *na fone*. At the end of the 19th – beginning of the 20th centuries the group *na fone* entered into active interaction with the actant and rheme-theme structure of the sentence. The expression *na fone* signals the theme by directing the addressee's attention to the rheme of the phrase. The introduction of this group into a sentence deepens its logical-semantic perspective, makes the sentence polypropositive. The prevailing use of expression *na fone* in scientific and mass media texts in recent decades has found support in active interaction with foreign language sources and corresponding genres of texts, for example, *sur un fond (de)* in French, *vor dem Hintergrund* in German, *against the background* in English. It allows us to assert that the expression *na fone* is included in the repertoire of lexico-grammatical universals when expressing the grammatical meaning of conditionality.

References

1. *Severnaya pchela.* (1850) 243 (28 September). pp. 969–972.

2. Sorokin, Yu.S. (1965) *Razvitie slovarnogo sostava russkogo yazyka v 30–90-e gody XIX v.* [The development of the vocabulary of the Russian language in the 1830s–1890s]. Moscow; Leningrad: Nauka.

3. Bogdanov, S.I. & Ryzhova, Yu.V. (1997) *Russkaya sluzhebnaya leksika: Svodnye tablitsy* [Russian functional vocabulary: Summarizing tables]. St. Petersburg: Izd-vo SPb.

4. Vinogradova, E.N. & Klobukova, L.P. (2017) Preposition: The Biggest Challenges of a Small Part of Speech. *Vestnik RUDN. Ser.: Rus. i inostr. yaz. i metodika ikh prepodavaniya – RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*. 15 (3). pp. 299–316. (In Russian).

5. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.

6. Babaytseva, V.V. (2000) *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [Phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language]. Moscow: Drofa.

7. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and idioms]. 4th ed. Moscow: A TEMP.

8. Efremova, E.F. (2004) *Tolkovyy slovar' sluzhebnykh chastey rechi russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Functional Parts of Speech of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow: Astrel'; AST.

9. Burtseva, V.V. (2005) *Slovar' narechiy i sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of adverbs and functional words of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk-Media.

10. Evtyukhin, V.B. (1997) *Kategoriya obuslovlennosti v sovremennom russkom yazyke i voprosy teorii sintaksticheskikh kategoriy* [The category of conditionality in the modern Russian language and issues of the theory of syntactic categories]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

11. Li Renzhe. (2017) Means to Express Comparative Relations in a Simple Sentence: Denominative Relative na fone "Against the Background". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* 9 (75). pp. 125–128. (In Russian).

12. Li Zhen'chzhe (2019) *Novoobrazovaniya predlozhnogo tipa v sisteme sredstv vyrazheniya sopostavitel'nykh otnosheniy v sovremennom russkom yazyke* [New formations of the prepositional type in the system of means of expressing comparative relations in modern Russian]. Philology Cand. Diss. Vladivostok: FEFU.

13. Chernyshev, V.I. (ed.) (1949–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

14. Zabelin, I. (1882) *Dopolneniya k Dvortsovym razryadam, po porucheniyu grafa Dmitriya Nikolaevicha Bludova sobrannyya iz knig i stolbtsov prezhdebyvshikh dvortsovykh prikazov arkhiva Oruzheynoy palaty Ivanom Zabelinym* [Additions to the palace register books collected on behalf of Count Dmitry Nikolayevich Bludov from books and columns of former palace prikazes from the archive of the Armory Chamber by Ivan Zabelin]. Part 1. Moscow: Universitet. tip. (M. Katkov).

15. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1975–present) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Moscow: Nauka; Azbukovnik.

16. Mzhel'skaya, O.S. (ed.) (2011) *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vekov* [Dictionary of the everyday Russian language of Moscow Rus of the 16th–17th centuries]. Vol. 4. St. Petersburg: Nauka.

17. Orgelbrand, M. (1861) *Słownik języka polskiego*. T. 1–2. Wilno: wydany staraniem i kosztem Maurycego Orgelbranda.

18. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1984–present) *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Leningrad; St. Petersburg: Nauka.

19. Zabelin, I.E. (1853) *Istoricheskoe obozrenie finiftyanogo i tseninnogo dela v Rossii* [Historical review of the enamel and glaze business in Russia]. St. Petersburg: tip. Ekspeditsii zagotovleniya gos. bumag.

20. Second Department of the Imperial Academy of Sciences. (1847) *Slovar' tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniem imperatorskoy Akademii nauk* [Dictionary of the Church Slavonic and Russian languages, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. Vols 1–4. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

21. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vols 1–4. Moscow: Gos. in-t "Sov. entsikl."; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nats. slov.

22. *Russian National Corpus.* [Online] Available from: https://ruscorpora.ru/new/index.html (In Russian).

23. Nordstet, I. (1780) *Rossiyskiy s nemetskim i frantsuzskim perevodami slovar', sochinennyy nadvornym sovetnikom Ivanom Nordstetom* [Russian dictionary with German and French translations, composed by court councilor Ivan Nordstet]. Part 1. St. Petersburg: tip. I. K. Shnora.

24. Anon. (1786) *Polnoy frantsuzskoy i rossiyskoy leksikon, s poslednyago izdaniya leksikona Frantsuzskoy akademii na rossiyskoy yazyk perevedennyy sobraniem uchenykh lyudey* [A complete French and Russian lexicon, translated into Russian from the latest edition of the lexicon of the French Academy by a team of learned people]. Vol. 1 (1–2). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

25. Yanovskiy, N.M. (1803) *Novyy slovotolkovatel', raspolozhennyy po alfavitu...* [A new explanatory dictionary, arranged alphabetically ...]. Part 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

26. Bashutskiy, A.P. (1839) *Vozobnovlenie Zimnego dvortsa v Sanktpeterburge* [Restoration of the Winter Palace in St. Petersburg]. St. Petersburg: Guttenberg. tip.

27. Ertel', V.A. (1841) *Frantsuzsko-russkiy slovar', izvlechennyy iz noveyshikh istochnikov V. Ertelem* [French-Russian dictionary extracted from the latest sources by V. Ertel']. Vol. 1. St. Petersburg: tip. N. Grecha.

28. Semevskiy, M.I. (ed.) (1890–1902) *Arkhiv knyazya F.A. Kurakina* [Archive of Prince F.A. Kurakin]. Books 1–10. St. Petersburg: tip. V. S. Balasheva.

29. Solntsev, F. (1849) *Drevnosti Rossiyskago gosudarstva, izdannyya po vysochayshemu poveleniyu. Otd. 1: Sv. ikony, kresty, utvar' khramovaya i oblachenie sana dukhovnago* [Antiquities of the Russian state, published by the highest command. Part 1: Holy icons, crosses, temple utensils and vestments of the dignity of the spiritual]. Moscow: tip. Aleksandra Semena.

30. Mikhel'son, A.D. (1865) *Ob"yasnenie 25 000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkiy yazyk, s oznacheniem ikh korney* [Explanation of 25 000 foreign words that have come into use in the Russian language, with an explanation of their roots]. Moscow: A. I. Manukhin.

31. Mikhel'son, A.D. (1876) *Ob"yasnenie vsekh inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkiy yazyk, s ob"yasneniem ikh korney* [Explanation of all foreign words that have come into use in the Russian language, with an explanation of their roots]. Moscow: tip. Indrikh.

32. N.G. (1890) *Nepravil'nosti v sovremennom razgovornom, pis'mennom i knizhnom yazyke* [Irregularities in modern spoken, written, and bookish language]. St. Petersburg: tip. I.N. Skorokhodova.

33. Konyushkevich, M. (2005) O mekhanizme opredlozhivaniya znamenatel'noy leksiki [On the mechanism of notional vocabulary's transformation into prepositions]. In: Zagnitko, A. (ed.) *Lingvistichni studiï* [Linguistic Studies]. Vol. 13. Donetsk: Donetsk National University. pp. 65–70.

34. Evgen'eva,A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk.

35. Konyushkevich, M. (2006) [Functional potential of notional words for the formation of prepositions]. *Funktsyyanal'nyya aspekty slovaŭtvarennya* [Functional aspects of word formation]. Proceedings of the International Conference. Minsk, Belarus. October 9–14, 2006. Minsk: Prava i ekanomika. pp. 115–121. (In Russian).